

Значение научно-технического фактора в современных международных отношениях

Н.А. Васильева, Ван Чэньсин

Васильева Н.А. – д.филос.н., профессор кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета; E-mail: nbasil@sir.edu

Ван Чэньсин – магистрант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета; E-mail: bbob1027@gmail.com

Ключевые слова: наука и техника, международные отношения, мировая политика, дипломатия, научно-техническая дипломатия, интеллектуальные ресурсы, «умная власть», высокие технологии, глобальная конкуренция

Key words: science & technology, international relations, world politics, diplomacy, Science and Technology Diplomacy, intellectual resources, «smart power», access to high technologies, global competition

В последнее время вопросы «Что такое научно-технический фактор в современных международных отношениях? как научно-технический фактор влияет на развитие мировой политики и дипломатии?» стали одними из наиболее важных в проблематике международных отношений. Если вторая половина XX в. характеризовалась глобальной борьбой за энергетические ресурсы, то XXI в. определяется «войной» между основными акторами мировой политики за интеллектуальный ресурс, научно-техническую собственность, инновационный потенциал и др.

Одной из наиболее заметных мировых тенденций, обусловленных научно-техническим прогрессом, в XXI в. стало усиление интегративной направленности мирового политико-экономического процесса. В свое время А. Тойнби, исследуя цивилизационные аспекты развития человечества, выделил технологический фактор коммуникации в качестве важнейшего. Известна трехчленная схема английского историка [24, с. 70], где изначальной базой для объединения служило пространство Пустыни (период власти Бабура, потомка Тамерлана в пятом поколении, который объединил большие территории в центре Азии за счет разного рода сухопутных операций), бывшее своего рода безводным океаном, имевшим свои порты и свои средства передвижения. С начала XVI в. революционным западным открытием явилась замена Пустыни на Океан как главного центра мировых коммуникаций. Это использование Океана дало возможность Западу объединить весь мир, включая Америки. Таким образом, если первая стадия унификации мира символизировалась Пустыней и животными как средствами передвижения и общения, то вторая стадия связана с результатами революции в средствах техники, отчего центром коммуникаций становится Океан. Последняя по времени стадия развития техники связана с превращением Воздуха в важнейшую коммуникационную среду, что, по мнению А. Тойнби, окончательно делает Землю взаимосвязанной системой жизнедеятельности человечества. Идея, высказанная английским историком

в середине XX в., обрела жизнь в XXI столетии. Электронные средства связи стали важнейшим фактором объединения человечества, независимо от различий в культурах и цивилизациях. Возникла проблема «прозрачности» границ, поскольку современные телекоммуникационные средства, используя воздушное, космическое пространство, делают весьма уязвимым государственный суверенитет. В связи с этим необходимо отметить, что современные высокие технологии – это инструмент властного контроля и в экономике, и в политике. Поэтому относительная «неподконтрольность» научно-технических ресурсов национальным суверенитетам создает предпосылки для властных манипуляций со стороны тех или иных акторов мировой политики. Очевидным является факт, что высокие технологии представляют собой важный властный ресурс, который имеет экономическую ценность и может дать одной стране политические и технологические преимущества по сравнению с другими. В связи с этим в современных международных отношениях имеет место парадоксальное явление: с одной стороны, объективное развитие научно-технической революции ведет к необходимости глобальной интеграции и взаимодействия государств и иных акторов мирополитических отношений, а, с другой стороны, субъективная реакция государств на научно-технический фактор в международных отношениях определяется усилением конкурентной борьбы с целью сохранения и укрепления своего суверенного могущества. Фактически выход научно-технического факто-

ра на первый план в международных отношениях заставил научное сообщество вновь обратиться к проблеме власти и ее трансформации в современных условиях.

Исторически системы международных отношений были достаточно разнообразны, однако чрезвычайно важно понять, что за право быть системообразующим фактором международных отношений между основными участниками международной жизни идет непрекращающаяся борьба. Методы борьбы за власть на мировой политической арене варьируются от силовых (политический реализм) до гуманитарных (политический идеализм). Предпринимаются и попытки их комбинирования, например, в концепции «гуманитарной интервенции». Собственно, международная политика представляет собой, прежде всего, борьбу государств или их коалиций за власть, за формирование и распоряжение системой международных отношений. Именно поэтому методы политического реализма преобладали в международной жизни, определяя характер международных отношений. Согласно теории Р. Купера [11], все государства могут быть разделены на три группы: «псевдогосударства», государства, построенные на принципах «эпохи модернити», и государства, соответствующие «периоду постмодернити». «Псевдогосударства» – это Сомали, Либерия и др., где деградация властных структур выражается в неспособности сохранять монополию на насилие внутри государства и охранять его внешние границы. Поэтому эти «псевдогосударства» (по терминологии ООН – «failed states») представляют собой мировой политический «андерграунд» со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Основой «эпохи модернити» является национальное государство, где главенствует система политического реализма в межгосударственных отношениях, то есть их основные координаты определяет фактор силы. Подавляющее большинство современных государств, по мысли Купера, относятся ко второй группе, в том числе и Соединенные Штаты, которые установили систему «баланса устрашения» эпохи модернити, то есть силовую систему реализации своих национальных интересов в международных отношениях. Государства третьей группы выделяются среди остальных в первую очередь тем, что в них переживают серьезные трансформации два важнейших принципа – незыблемость государственного суверенитета и первостепенное значение, придаваемое фактору силы. Такие государства выстраивают отношения друг с другом не на основе баланса сил, а посред-

ством добровольного ограничения своего суверенитета и допущения вмешательства извне в случае нарушения достигнутых договоренностей. В «постмодернистской системе», согласно Куперу, нет базисных постулатов баланса сил и традиционного разграничения политики государств на внешнюю и внутреннюю. Поэтому к числу стран «постмодерна» он относит в первую очередь страны, активно участвующие в интеграционных наднациональных объединениях, например, в Европейском союзе, который представляется английскому ученому высокоорганизованной системой взаимного вмешательства во внутренние дела государств.

Развивая идею Купера о государствах «третьей группы», можно сказать, что их политика выходит за рамки традиционно понимаемой международной политики «эпохи модернити» и скорее может быть охарактеризована понятием «мировая политика», которое является эволюционным продолжением понятия «международная политика», во многом сосуществуя с ним. Мировая политика рассматривается нами как результат развития, как современное качественное преобразование международной политики, которая сосуществует с мировой политикой, но имеет более ограниченный характер своего действия и влияния. Это объясняется тем, что сутью международной политики являются взаимоотношения между государствами, однако в настоящее время это уже лишь часть системы международных отношений.

В апокалиптический XX в. во всей полноте проявилась историческая устарелость международной политики как формы развития международных отношений и международного права. Государства как монополисты в системе международной политики были уже не в состоянии дать адекватный ответ на вызовы международной жизни. Справедливой представляется точка зрения Дж. Розенау [27], который считает возможным говорить в современных условиях о сосуществовании двух международных миров: мира государств и мира негосударственных акторов международной жизни.

Принципиальное отличие мировой политики от международной определяется объективными условиями развития международной жизни, которая особенно в последние десятилетия XX в. стала характеризоваться рядом черт негативного глобального характера. Прежде всего это касается резко возросшего экономического и информационно-технологического разрыва между развитыми странами и развивающимися, а также экологических последствий цивилизационного развития человечества в целом.

Именно поэтому на первый план в вопросах политики выходят не проблемы господства, а проблемы управления, распоряжения системой международных отношений. Возникла настоятельная потребность в мировой политике, которая определяет и выражает интересы всего мирового социума. В этой связи важно понять характер власти в современных международных отношениях. По мнению американского политолога Р. Гилпина, понятие власти имеет много трактовок и поэтому доставляет много неудобств ученым. По образному выражению Дж. Ная-младшего, «власть, как любовь, легче испытать, чем определить и измерить» [19, с. 53]. В этой связи интересен подход китайских ученых к проблеме власти в международных отношениях, которые делают акцент на ресурсах власти как важнейших составляющих властных отношений. В ресурсы власти государства включаются следующие компоненты: научно-технический потенциал, природные ресурсы, способность к экономической деятельности, уровень развития общества, военная мощь, характер государственного управления, искусство дипломатии [2, с. 65–70]. Однако китайские специалисты склонны считать, что в XXI в. в этой совокупности властных ресурсов научно-техническое могущество начинает занимать ключевое место, стимулируя развитие государства в целом [26, с. 2]. Именно научно-технический фактор определяет важнейшие достижения государства на международной арене путем повышения эффективности экономики, а также воздействуя на модернизацию в политической и военной сфере [26, с. 70].

Известный китайский специалист Ван Ганг [1, с. 833–835] в своем исследовании «30-летие реформы Китая в области науки и техники» (2008) отмечал, что одна из важнейших проблем властного ресурса – это его эффективное использование, то есть условия, при которых потенциальное совокупное могущество государства (СМГ) превращается в реальную силу, точнее, разные виды ресурсов СМГ превращаются в эффективную силу государственного развития. По его мнению, в современных условиях можно выделить две группы государств: «эффективные государства» и «неэффективные государства», то есть те государства, которые умеют превращать имеющиеся ресурсы в реальную мирополитическую власть при минимальных затратах, и те государства, которые не умеют превращать имеющиеся ресурсы в реальную политико-экономическую силу. Однако современное руководство страны негативно относится к такой «эффективности» госу-

дарства, рассматривая в качестве важнейшего мирополитического ресурса власти инновационную научно-технологическую мощь государства. В этой связи нужно отметить, что еще в 2006 г. в Российской Федерации была принята «Государственная программа о создании технопарков в сфере высоких технологий», что должно было обеспечить ускоренное развитие высокотехнологичных отраслей экономики и превращение их в одну из основных движущих сил экономического роста страны [3].

Для успешного функционирования власти крайне важны средства власти – это образ действия и способы, используемые государством для реализации цели власти. Согласно теории Дж. Ная-младшего [18], «средства власти» можно подразделить на «жесткие», «мягкие» и «умные». «Жесткая власть» (либо «традиционная власть») – навязывание своей воли другим акторам с помощью преимущественно военных средств – становится все более и более неэффективной (уже хрестоматийными стали примеры Ирака и Афганистана).

Значительный властный потенциал имеют в современных условиях «мягкие» формы властного воздействия: технологическая политика, образовательная политика, социальная политика, культурная политика, которые могут дать больший эффект в укреплении позиций государства на мировой арене, нежели военная составляющая [18, с. 76].

Понятие «умная власть» (smart power) было разработано Дж. Наем еще в 2003 г. и определяло совокупность методов государственной политики, где одновременно «умно» и «рационально» используются жесткие и мягкие властные средства воздействия на мирополитические процессы [17]. Иллюстрацией этому тезису может послужить современная внешняя политика США, направленная на удержание лидирующих позиций в научно-технической области, что проявляется, с одной стороны, в инновационном насыщении военной отрасли, а с другой стороны, в развитии глобальной сети образовательных услуг.

В опубликованном в 2009 г. Министерством науки и техники КНР «Докладе о международном научно-техническом развитии» отмечается, что каждый год более 500 тыс. иностранных студентов приезжают в США для получения высококачественного образования, особенно в таких областях, как естественные науки, математика, IT и др. Кроме того, большое число студентов, в частности, в Китае, охвачено дистанционным образованием, что также способствует увеличению совокупного могущества

США [4, с. 107]. В итоге делается вывод о том, что реальное военное могущество и высокая интеллектуальная привлекательность помогают укреплять позиции США на мировой арене, что можно рассматривать как проявление «умной власти».

Если вторая половина XX в. характеризовалась глобальной борьбой за энергетические ресурсы, то XXI в. будет определять «война» между основными акторами мировой политики за интеллектуальный ресурс, научно-техническую собственность, инновационный потенциал и др. Неудивительно, что в этих условиях российское руководство взяло стратегический курс на инновационное развитие страны, на необходимость построения экономики знаний. Выступая на открытии Международного форума по нанотехнологиям, Д. Медведев отметил необходимость развития посткризисной экономики России на базе инновационных технологий, а не на сырьевых возможностях, сколь бы безграничны они не были [8]. В этом же направлении строится и политика ведущих стран мира. Так, например, премьер-министр Японии Я. Фукуда [12] на заседании Совета по политике в области науки и технологий в 2008 г. заявил, что стимулирование инновационного направления развития экономики является важнейшей задачей в достижении устойчивого развития и укрепления японских позиций в глобальной экономике.

Научно-техническое соперничество занимает ключевое место в современной системе международных отношений и оказывает существенное воздействие на изменение в шкале индикаторов совокупного могущества страны. Можно сказать, что страна, которая занимает лидирующее место в области научно-технических инноваций, имеет все основания для доминирующего положения в международном сообществе. В этой связи на первый план выходит новый тип дипломатии – научно-техническая дипломатия, что определяется важностью процессов международного научно-технического сотрудничества и соперничества. В «Концепции внешней политики Российской Федерации» от 2008 г. отмечалось, что научно-техническая составляющая является одним из главных факторов влияния государства на международную политику [7].

В июле 2010 г. на встрече президента Д. Медведева с российским посольским корпусом прозвучала мысль о том, что необходимо избирательно подходить к развитию взаимоотношений с другими государствами, делая стратегический акцент на тесном сотрудничестве

с наиболее успешными странами в деле построения экономики знаний. Именно поэтому президент подчеркнул первостепенное значение научно-технической дипломатии.

В подтверждении тезиса о том, что XXI в. определяется борьбой за владение и распоряжение не столько материальными, сколько духовными, интеллектуальными ресурсами, необходимо проанализировать международную научно-техническую деятельность ведущих стран как со стороны «сотрудничества», так и со стороны «соперничества». Фактически речь идет о новом витке властных взаимоотношений в мировой политике. Важно понять, что если соперничество выйдет на первый план и станет доминирующей формой развития мировой политики, то мир может стать свидетелем еще более страшных катаклизмов, нежели в XX в. Мы уже отмечали, что политика включает в себя не только инструментарий борьбы за господство и лидерство отдельно взятой державы или коалиции, но и возможности распоряжения властью, в данном случае глобального управления. Поэтому представляется крайне важным в контексте развития научно-технической дипломатии найти новые пути и формы сотрудничества в условиях взлета интеллектуального потенциала человечества. Данный тезис можно рассматривать как оптимальную перспективу развития мирового социума в условиях очередного научно-технического прорыва. Но каковы современные действия государств в этом направлении? Как известно, развитые страны и развивающиеся страны имеют различные возможности в создании экономики знаний и выстраивают различные модели международного научно-технического сотрудничества. В связи с этим научно-техническая дипломатия разных стран обладает собственными характеристиками. Развитые страны, богатые передовыми научно-техническими ресурсами, стремятся к усилению своих позиций в международной научно-технической сфере. Активизация участия в международном научно-техническом сотрудничестве является одним из приоритетных направлений развития модернизации национальных экономик. Рассмотрим ряд примеров.

Япония. Научно-техническая дипломатия является приоритетной составляющей внешней политики Японии, что нашло отражение в создании Совета по научно-технической политике. В рамках данного Совета в 2008 г. были подготовлены концептуальные документы: «Стратегия усиления научно-технической дипломатии правительства Японии» и «Доклад о научно-технической дипломатии» [23]. Как отмечается

в материалах Совета, база научно-технической дипломатии Японии заключается:

- в создании международной системы реализации интересов Японии и ее стратегических партнеров;
- использовании научно-технического потенциала для решения глобальных проблем;
- активном преумножении «интеллектуального капитала»;
- повышении инновационного статуса Японии на международной арене;
- рассмотрении сотрудничества с развитыми и развивающимися странами как основы стратегии научно-технической дипломатии Японии.

В документах Министерства иностранных дел Японии [22] раскрывается содержание стратегии научно-технической дипломатии. Она включает в себя такие конкретные направления, как участие в создании условий для глобального управления, в рамках которого необходимо построить модель активного взаимодействия в сфере высоких технологий, что послужит объективным фундаментом для разрешения проблем окружающей среды и социального развития человечества.

ЕС. Если использовать термин Р. Купера о «постмодернистских государствах», то планы ЕС по созданию «инновационного союза» к 2020 г. свидетельствуют о большом творческом потенциале этого интеграционного союза, создавшего уже политико-юридические предпосылки для плодотворного наднационального сотрудничества [14]. Целью научно-технической дипломатии ЕС является оказание поддержки всем формам научно-технического сотрудничества на транснациональном уровне для укрепления своего лидерства в данных ключевых сферах [21].

США. Администрация Б. Обамы уделяет особое внимание инновационному развитию национальной экономики и международному научно-техническому сотрудничеству в условиях подготовки к новому витку научно-технической революции. По словам президента Б. Обамы [20], инновационный потенциал экономики определяет будущее США. При этом фундаментом для экономики знаний должны стать следующие компоненты: высококвалифицированные работники, современная система здравоохранения, «зеленые» технологии и инвестиции в научные исследования и развитие. По вышеуказанной стратегии, Госдепартамент США берет на себя ответственность за проведение научно-технической политики США,

что выразилось в образовании соответствующей структуры (Офис советника по науке и технике)¹, основными направлениями деятельности которой являются:

- развитие научно-технической дипломатии для защиты национальных интересов США в рамках глобального научно-технического взаимодействия;
- создание партнерских отношений как с национальными, так и с международными научными сообществами;
- предоставление Госдепартаменту рекомендаций по научно-технической политике;
- моделирование перспектив глобального научно-технического развития.

Китай. Китай является крупнейшей развивающейся страной мира, и его роль в международном научно-техническом сотрудничестве имеет особое значение. За 30 лет реформ научно-технический потенциал и инновационные возможности Китая резко возросли. Китай не только стал одной из самых привлекательных стран для иностранных инвесторов, но и обладает собственным видением инновационных перспектив человечества. В XXI в. международная научно-техническая стратегия Китая вступает в новую эру развития, которая имеет ряд основных приоритетов [1, с. 833–835]. В 2002 г. на 16-м Всекитайском конгрессе КПК было подчеркнуто, что необходимо участвовать в «международном научно-техническом сотрудничестве и соперничестве» в сфере высоких технологий [5]. В 2006 г. Министерство науки и техники Китая опубликовало «Проект о научно-техническом сотрудничестве в одиннадцатый пятилетний период (2006–2010)», в основе которого лежала идея об увеличении самостоятельного инновационного вклада Китая в глобальную модернизацию. В проекте подчеркивалось, что научно-техническая дипломатическая активность КНР будет способствовать созданию экономики знаний как основы инновационного типа государства [9]. Пользуясь терминологией Дж. Ная [17, 18], можно сказать, что китайское руководство активно внедряет в свою внешнеполитическую стратегию средства «мягкой» и «умной» власти, что, в частности, находит подтверждение в оказании научно-технической помощи развивающимся странам. С 2001 по 2006 г. Министерство науки и техники Китая организовало 176 спецкурсов

¹ Official Site of the Office of the Science & Technology Adviser U.S. Department of State. URL: <http://www.state.gov/g/stas/> (дата обращения: 01.10.2010).

для подготовки специалистов из более чем 90 развивающихся стран. Нельзя не понимать, что данное направление «интеллектуальной дипломатии», характерное для всех наиболее инновационно развивающихся стран, определяется не только стремлением оказать помощь, но, в первую очередь, стремлением получить наиболее качественные «мозги» для построения собственной экономики знаний.

По мнению Р. Гилпина [16, с. 29–30], для достижения лидирующих позиций в мировой политике, иными словами, для упрочения своего могущества и влияния в международных отношениях, государству нужно достичь значительных успехов как в сфере глобальной экономики, так и в вопросах формирования мировой системы безопасности, что в совокупности позволит оказывать доминирующее влияние на других акторов мировой политики. Для решения вышеуказанных задач в современных условиях первостепенное значение имеет научно-технический потенциал страны. Согласно прогнозу Академии наук Китая [6, с. 10], наш мир постепенно вступает в «пост-IP»-период, и в первой половине текущего века прогнозируется новая научно-техническая революция. Поэтому столь необходимой в государственной политике должна быть инновационная составляющая. Однако далеко не все инновационные направления развития экономики одинаково стратегически важны для укрепления совокупного могущества государства.

По мнению М. Вайта [25, с. 9], инновационная активность государства направлена на укрепление собственной мощи прежде всего в военной сфере, а затем она стимулирует и гражданские секторы экономики². В современных условиях сбалансированное инновационное развитие гражданских отраслей экономики является залогом успешного роста могущества государства. Если основываться на концепции «научно-технической геополитики»³, то межгосударственные научно-технические взаимодействия основываются на парадигме реализма и осуществляются по принципу «нулевой суммы» [26, с. 70]. Иллюстрацией этому может послужить

² Например, в США было образовано Агентство передовых оборонных исследовательских проектов (Defense Advanced Research Projects Agency (DARPA). URL: <http://www.darpa.mil/> (дата обращения: 01.10.2010); в Великобритании – Агентство оценок и исследований в области обороны (Defence Evaluation and Research Agency (DERA). URL: <http://www.dera.gov.uk/> (дата обращения: 01.10.2010).

³ Термин «научно-техническая геополитика» был разработан китайским исследователем Чжао Ганг в 2007 г.

международный режим контроля за экспортом техники, который появился после Второй мировой войны. В 1949 г. в Париже западные промышленные страны под эгидой США образовали «Координационный комитет по экспортному контролю»⁴. Цель создания данного комитета состояла в запрещении предоставления стратегических научно-технических разработок социалистическим странам. После окончания «холодной войны» и краха биполярной системы данное соглашение утратило силу. Но в 1996 г. были приняты «Вассенаарские соглашения»⁵, которые призваны защитить интересы западных стран в сфере высоких технологий уже в новых условиях международной жизни. За этим последовал ряд соглашений и законов. В 2000 г. в ЕС было принято соглашение о регулировании экспорта технологий и продукции двойного назначения (подразумевается возможность использования и в военной, и в гражданской сфере экономики) [13]. В Японии в 2008 г. был принят закон об экспортном контроле [16], в котором определены более 40 видов продукции, экспорт которых запрещен. Кроме того, в последние годы технологически развитые страны усиливают контроль над иностранной инвестиционной деятельностью в высокотехнологических сферах национальной экономики. С 2008 г. в России действует Федеральный закон «О порядке осуществления иностранных инвестиций», в котором перечисляются 42 вида научно-технических разработок, имеющих стратегическое значение для обеспечения обороны и безопасности государства. Иностранные инвестиции в данные исследовательские проекты строго ограничиваются [10].

Но наряду с военной составляющей научно-технического прогресса в последние годы получили развитие те виды технологий, которые используются для решения глобальных проблем (экология, глобальное потепление, СПИД и др.). По сути, идет процесс реализации научно-технической демократии и становление единого международного научно-технического пространства, в рамках которого развиваются сотрудничество и обмен знаниями.

В результате анализа роли научно-технического фактора в современной системе

⁴ Члены Координационного комитета: США, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Дания, Норвегия, Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Португалия, Испания, Канада, Греция, Турция, Япония и Австралия. URL: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2003-07/15/content_975514.htm (дата обращения: 01.10.2010).

⁵ The Wassenaar Arrangement. URL: <http://www.wassenaar.org/> (дата обращения: 20.10.2010).

международных отношений можно сделать ряд выводов. Во-первых, в сложноструктурированной системе мировой политики значение научно-технического фактора становится определяющим в борьбе государств за господствующие позиции в системе международных отношений. Во-вторых, идет активный процесс трансформации основных концептуальных подходов к пониманию цели и задач дипломатической стратегии ведущих государств мира, где на первый план выходит научно-техническая дипломатия. В-третьих, нам представляется, что под научно-технической дипломатией понимается приоритетность формирования внешнеполитических условий для становления инновационных форм развития национальной экономики (экономики знаний). В-четвертых, властными методами осуществления научно-технической дипломатии служит «умная власть», то есть гибкое сочетание «жестких» и «мягких» форм власти, где приоритет отдается «мягким» властным инструментам.

Литература

1. Ван Ганг. 30-летие реформы Китая в области науки и техники. Пекин: Наука, 2008.
2. Ван Йофэй. Сравнительный анализ интегральной мощи ведущих стран мира. Чанша: Хунан, 1996.
3. Государственная программа о создании в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий. URL: <http://mon.gov.ru/dok/pravnti/2244/> (дата обращения: 01.10.2010).
4. Доклад о международном научно-техническом развитии (2009) / Министерство науки и техники КНР. Пекин: Наука, 2009.
5. Доклад председателя КНР Цзян Цзэминя на 16-м Всекитайском конгрессе КПК. URL: http://news.xinhuanet.com/newscenter/2005-01/16/content_2467718.htm (дата обращения: 01.10.2010).
6. Инновация 2050: научно-технологические перспективы Китая. Пекин: Наука, 2009.
7. Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 июля 2008 г. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml> (дата обращения: 01.10.2010).
8. Медведев Д.А. Выступление на открытии Международного форума по нанотехнологиям. Москва. 6 октября 2009 г. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5675> (дата обращения: 01.10.2010).
9. Проект о международном научно-техническом сотрудничестве в одиннадцатый пятилетний период / Министерство науки и техники Китая. URL: http://news.xinhuanet.com/tech/2006-12/03/content_5427072.htm (дата обращения: 01.10.2010).
10. Федеральный закон «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» от 29 апреля 2008 г. // Российская газета. Архив документов. 07.05.2008. URL: <http://www.rg.ru/2008/05/07/investicii-fz-dok.html> (дата обращения: 20.10.2010).
11. Cooper R. The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-First Century. London: Atlantic Books, 2003.
12. Council for Science and Technology Policy. 76th session. 19 June 2008 / Government of Japan. URL: <http://www8.cao.go.jp/cstp/english/policy/080619cstp.html> (дата обращения: 01.10.2010).
13. Council Regulation (EC) No 1334/2000. Community Regime for the Control of Exports of Dual-use Items and Technology / The Council of The European Union. 22 June 2000.
14. Europe 2020: A European Strategy for Smart, Sustainable and Inclusive Growth / European Union. URL: <http://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLET%20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf> (дата обращения: 01.10.2010).
15. Export Trade Control Order / Cabinet Order No. 71, 2008. URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?printID=&id=1872&re=01&vm=01> (дата обращения: 01.10.2010).
16. Gilpin R. War and Change In World Politics. Shanghai: Shanghai People's Publishing House, 2007.
17. Nye J.S. Get Smart: combining hard and soft power // Foreign Affairs. July/August 2009. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/65163/joseph-s-nyejr/get-smart> (дата обращения: 01.10.2010).
18. Nye J.S. Soft power // Power in The Global Information Age. L.; N.Y.: Routledge, 2005.
19. Nye J.S. The Changing Nature of World Power // Power in The Global Information Age. L.; N.Y.: Routledge, 2005.
20. Obama: Innovation Key to U.S. Future // USA Today. 1 August 2009. URL: http://www.usatoday.com/news/washington/2009-08-01-obama-address_N.htm (дата обращения: 01.10.2010).
21. Seventh Framework Programme (FP7) // European Commission. URL: http://cordis.europa.eu/fp7/cooperation/home_en.html (дата обращения: 01.10.2010).
22. Specific actions for the Japanese government to enhance Science & Technology as Diplomacy // Council for Science and Technology Policy. Government of Japan. 19 February 2008. URL: http://www8.cao.go.jp/cstp/english/doc/s_and_t

diplomacy/20080229specific_actions_for.pdf (дата обращения: 01.10.2010).

23. Toward the Reinforcement of Science and Technology Diplomacy, Council for Science and Technology Policy, Government of Japan, May 19, 2008. URL: http://www8.cao.go.jp/cstp/english/doc/s_and_t_diplomacy/20080519_tow_the_reinforcement_of.pdf (дата обращения: 01.10.2010).

24. Toynbee A. Civilization on Trial. N.Y., 1948.

25. White M. The Fruits of War: How Military Conflict Accelerates Technology. Beijing: SDX Joint Publishing Company, 2009.

26. Zhao Gang. Geopolitics of Science & Technology and National Science & Technology Security. Beijing: Shishi Press, 2007.

27. Rosenau J.N. Along the Domestic-Foreign Frontier. Exploring Governance in a Turbulent World. Cambridge, 1997.